

XVII ежегодный всероссийский конкурс
исторических исследовательских работ старшеклассников
«Человек в истории России – XX век»

Тема конкурса: «История семьи»

Номинация: эссе

Кузнецова Людмила Викторовна

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Разъезженская средняя общеобразовательная школа, 11 класс 662833, Красноярский кр., Ермаковский р-н, с. Разъезжее,

Руководитель Кузнецова Татьяна Витальевна, учитель русского языка и литературы

Расскажи мне, папка, про войну...

*Ты же выжил, Солдат! Хоть сто раз умирал,
Хоть друзей хоронил и хоть насмерть стоял.
Так о чём же ты плачешь, старый Солдат?
Или сердце горит? Или раны болят?...*

М. Агашина

Великая Отечественная война беспощадно прокатилась своим горящим колесом по каждой семье нашей огромной страны. Не прошла она и мимо нас. Рассказы о той героической поре с великой любовью и болью запечатлены на страницах семитомного семейного архива, который на протяжении 20 лет по крупицам собирает моя бабушка, Исакова Людмила Фёдоровна.

Своего прадеда, ветерана Великой Отечественной войны, участника обороны Ленинграда Скидоненко Алексея Васильевича я в живых не застала. Он умер ещё до моего рождения, в июле 1992-го, не дожив до полувекowego празднования Великой Победы. Прабабушки, Скидоненко Ефросиньи Фёдоровны, не стало, когда я была совсем маленькой. Но память о них живёт! Она живёт не только в наших сердцах – она материализована в фотографиях, записях, документах.

О трудной жизни в тылу на страницах архива читаю: «...я (это о прабабушке) работала трактористкой... Трактора старые, запчастей нет... У нас в деревне остались лишь старики, женщины и дети. Растили хлеб и почти весь отправляли на фронт. Вязали носки, рукавицы – и тоже на фронт. Всё для Победы! Работали день и ночь, писали письма и ждали, ждали, ждали... Не было ни обуви, ни одежды, но была Святая Вера в лучшую послевоенную жизнь. Уставшие, измождённые, на работу и с работы шли всегда с песней. А где ж ещё можно было так излить душу, как ни в настоящей народной песне...». Простые слова русской женщины, труженицы, матери. А сколько боли! Сколько невысказанной, неизжитой боли!

Вот снимок военной поры, сделанный в августе 41-го. В семейном альбоме много фотографий, но я подолгу разглядываю эту старую, пожелтевшую. На ней мой прадед, Алексей Васильевич, перед отправкой на фронт. Моя бабушка по праву гордится своим отцом, и я даже завидую ей, потому что она слушала его рассказы о войне. «Про военные подвиги папка рассказывать не любил, особенно не любил вспоминать тяжёлые первые годы отступления, – пишет бабушка на страницах архива. – О таких делах вспоминать неохота». И дальше: «...попросила его однажды: «Расскажи мне, папка, про войну», – так он низко-низко склонил голову и моргает, моргает. Смотрю, а у него слёзы. Крупные, частые, прямо ручьём текут, а ему и вытереть их неудобно – дочь ведь смотрит».

Читаю эти строчки, и кажется мне, что я там была: я вижу слёзы прадеда своего и ощущаю солёный вкус их, и представляю, что чувствовал он тогда. А в голове невольно звучит набатом:

*Говорят, что не плачет Солдат – он Солдат,
И что старые раны к ненастью болят,
Но вчера было солнце! И солнце с утра...
Что ж ты плачешь, Солдат...*

Орден Отечественной войны I степени, медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» – это далеко не полный список наград, которыми отмечены ратный подвиг моего прадеда и его героический путь. Мы бережно храним эти бесценные семейные реликвии, как и те немногие дословные, с сохранением стиля его речи, записи, где прадедушка всё-таки рассказывал о тяжёлых военных буднях, о друзьях-однополчанах, не вернувшихся домой.

Вот его воспоминания об одном из боёв под Ленинградом. Их полк отражал атаки фашистских танков и самоходных орудий на подходах к Ладожскому озеру. Противник бросал в атаку всё новые и новые силы. «Уже двое суток, – рассказывает прадедушка, – у нас маковой росинки во рту не было – полевой кухне-то не добраться до передовой. И вдруг вижу, дружок мой (да как сказать, дружок – в сыны он мне годился) Белозубов Антон по окопу тащит какой-то тяжёлый металлический ящик. Открыли – там хлеб. Полный ящик! Да белый-белый и очень мягкий. А булочки ма-аленькие, аккуратненькие. И каждая в промасленную бумажку завернута. Поняли мы, что хлеб-то не наш, не русский. У немцев его добыл друг-то. Быстро передали по окопу всем, кто был рядом. По половинке на человека вышло. Расспросить бы, где, мол, взял-то? Да не до того было – немцы-то лупят и лупят. В одной руке – автомат, в другой – хлеб, уже с землёй вперемешку. Когда разговаривать-то? Ничего, мол, узнаем ещё, как это Антоха ухитрился. Не прошло и получаса – стих бой. Самое время покурить, да отблагодарить спасителя-то нашего. А то без харчей аж в глазах темно. Глядь, а Антохи-то и нет рядом. Кусок ноги... потом... шинелка его... Окровавленную потом поодадь ...».

На этом запись обрывается: тяжело было старику нашему закончить свой рассказ. Так и осталась страница в альбоме полупустой. И в эту пустоту, через время, через тысячи преград мне хочется крикнуть своему прадеду:

*Посмотри же, Солдат, – это юность твоя:
У солдатской могилы стоят сыновья!
Беспримерному мужеству верность храня,
Мы стоим и молчим у Святого Огня...*

... К своему отцу я могу обратиться с тысячей просьб и знаю, во многом он мне не откажет. Не хочу лишь, чтобы когда-нибудь из моих уст прозвучало: «Расскажи мне, папка, про войну»...